

Василий Головин

ЮЛИЙ ВОРОНЦОВ: «СИТУАЦИЯ С НАСЛЕДИЕМ РЕРИХОВ – ВОЗМУТИТЕЛЬНА»

**Правовые институты России покрывают произвол чиновников,
считает известный дипломат и общественный деятель**

“Независимая газета”, 6 апреля 2004 г.

Поводом к интервью с известным дипломатом послужили не острые внешнеполитические проблемы. Уже несколько лет Юлий Михайлович Воронцов возглавляет Международный Центр Рерихов – неправительственную организацию при ООН. Основой МЦР является уникальный общественный Музей имени Н.К.Рериха, который был создан Святославом Николаевичем Рерихом и разместился в центре Москвы, в Малом Знаменском переулке. В последнее время упорно ползут слухи, что на уникальный музей положило глаз Министерство культуры, которое намерено национализировать эту культурную жемчужину Москвы. СМИ пишут о разбазаривании и пропаже большого количества картин из наследия Рерихов. Развеять или подтвердить эти слухи мы и попросили президента МЦР Юлия Михайловича Воронцова..

— Юлий Михайлович, конфликт между вашим музеем и Министерством культуры России за право наследия длится уже не один год.

– Если точно – 14 лет. С 1990 года, когда Святослав Николаевич передал принадлежавшую ему часть семейного наследия Советскому фонду Рерихов.

– Трудно припомнить в правовой практике такой затяжной правовой спор.

– К классическому правовому спору, в котором две стороны предъявляют аргументы в защиту своих позиций, этот конфликт не имеет никакого отношения.

– Если к правовому спору не имеет отношения, то к чему имеет?

– Все эти годы мы имеем дело с чиновничьим произволом, циничным растаптыванием воли великого человека.

– Из-за чего разгорелся сыр-бор?

– Я стоял, можно сказать, у истоков этой драмы. Работая послом СССР в Индии, был хорошо знаком со Святославом Николаевичем. Он часто приезжал к нам в посольство из своего имения в Бангалоре. Мы подолгу вели философские и политические беседы. О своем желании оставить принадлежащее ему художественное наследие в Советском Союзе он мне говорил не раз. Говорил он и о 288 картинах, которые передал в 1974 году Министерству культуры СССР для проведения передвижных выставок по

стране. Подошел оговоренный договором срок возврата картин. Я Святославу Николаевичу говорю, что надо оформлять документы на возврат. Он слегка прищурился и задает вопрос: «А сколько городов выставка объездила?» Не помню, какую точно цифру ему назвал. Он спрашивает: «Только и всего? Больше в России городов нет?» Я говорю: «Есть еще немного». Оформили мы тогда продление еще на несколько лет. Затем и этот срок подошел к концу. Но тут подоспели в стране известные события, названные перестройкой. У Святослава Николаевича вызрело окончательное решение оставить в стране картины. Он считал, что таким образом внесет свой культурный вклад в обновление страны.

– Тогда еще никакого конфликта не было?

– Не было. Напряжение возникло только после того, как Святослав Николаевич предложил создать в Москве Центр-Музей имени Н.К.Рериха, чтобы собрать в нем не только картины – свои и отца, но и остальное наследие своих родителей – Николая Константиновича и Елены Ивановны. В том числе и те 288 картин, которые он передал на попечение Министерству культуры. Тогда, в 1990 году, они уже находились на временном хранении в Государственном музее Востока. Раньше он назывался Государственный музей искусств народов Востока. Святослав Николаевич вел речь именно об общественном музее. Не государственном. И получил в этом поддержку у советского руководства. Он встречался с президентом СССР Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Правительство СССР приняло специальное постановление «О Советском Фонде Рерихов и Центре-Музее имени Н.К.Рериха». Причем общественный Центр-музей создавался как основная база СФР. Правительство Москвы на основании этого постановления выделило под Фонд и Музей здания в центре Москвы – усадьбу Лопухиных. Тогда об этом культурном событии много писали. Это был 1989 год. А в 1990 году Святослав Николаевич передал в СФР наследие. Создание Советского Фонда Рерихов и Центра-Музея имени Н.К.Рериха воспринималось как зримое проявление позитивных перемен в культурной жизни страны.

– А дальше?

– А дальше случилось мрачное. СССР развалился, и новые российские чиновники посчитали, что наследие должно принадлежать государству. Никакому не общественному музею.

– Кто эти государственные чиновники?

– Руководители тогдашних министерств культуры и юстиции, Государственного музея Востока, чиновники Администрации Президента РФ, аппарата Правительства РФ. Смерть Святослава Николаевича в 1993 году для них стала призывным кличем, как звук рожка для охотничьих собак. Они сплоченной командой бросились на наследие, которое Святослав Николаевич передал в СФР.

– Каким образом они это сделали?

– Самым безобразным. Сначала потребовали признать, что Международный Центр Рерихов не является правопреемником Советского Фонда Рерихов. Тут я должен пояснить. В 1991 году в связи с распадом СССР

Святослав Николаевич предложил переименовать Советский Фонд Рерихов в Международный Центр Рерихов. Это было сделано на конференции СФР в сентябре 1991 года. Пока был жив Святослав Николаевич, чиновники не посмели лишить МЦР правопреемства по отношению к СФР. Зато буквально на следующий день после известия о кончине Рериха заместитель министра юстиции Черемных издает распоряжение, в котором требует отменить пункт нашего устава, в котором говорится о об этом правопреемстве.

– Что же не устроило заместителя министра?

– Когда задача поставлена, зацепку для бюрократа найти – нетрудное дело. Для этого и исполнитель нашелся, который в своем обращении в Минюст оспорил права МЦР на наследие. Обращение и послужило для Министерства юстиции поводом для раскрутки акции «о неправопремственности». Минкульт тут же подсуелся и, не имея никакого документа, подтверждающего право собственности, перевел картины, находившиеся в Государственном музее Востока, с временного хранения на постоянное – при этом сослался на то самое распоряжение Черемных. Ясно, что для этой цели и было составлено распоряжение замминистра юстиции. Но оно не может служить основанием для подобных незаконных действий. Таким образом, государство, не являясь собственником коллекции, присвоило себе картины. Но уважаемое Министерство юстиции и на этом не остановилось – в 2001 году другой заместитель министра Сидоренко подписал предупреждение, в котором потребовал от нас исключить из устава МЦР упоминание о том, что основой нашей организации является Музей имени Н.К.Рериха. У меня нет никаких сомнений в целенаправленном стремлении двух министерств уничтожить наш музей. Других мотивов, чтобы готовить подобные документы, я не нахожу.

Но дело в том, что еще при жизни Святослав Николаевич, понимая, к чему дело клонится, подтвердил права Международного Центра Рерихов, почетным председателем которого являлся, на переданное в СФР наследие. Причем заверил распоряжение у нотариуса в октябре 1992 года. А еще раньше, в апреле того же года, отправил президенту России Борису Николаевичу Ельцину письмо, в котором попросил помочь вернуть картины из Государственного музея Востока, где они на тот момент хранились, Международному Центру Рерихов. Вот потому чиновники и изощрались, чтобы не допустить исполнения воли Рериха.

– Президент отреагировал?

– Президент тогда на многое происходящее в стране не реагировал в силу известных причин. Зато чиновники после смерти Святослава Рериха почувствовали прилив сил и соответственно отреагировали. Директор Государственного музея Востока Набатчиков пишет письмо в правительство – предлагает передать его музею в бессрочное и безвозмездное пользование не только здание усадьбы Лопухиных, где разместился общественный музей, но и все наследие Рерихов. При этом просил принять решение о сосредоточении всех материалов и произведений Рерихов в одних руках. Ему уже мало незаконно присвоенных картин, он захотел отнять у нас все наследие.

– Правительство тоже не отреагировало?

– Наоборот. Тут же аппарат отдела культуры подготовил проект постановления. И председатель правительства Виктор Степанович Черномырдин, не задумываясь, подписал его. Правда, потом Высший арбитражный суд РФ и его коллегия отменили это постановление. Там уж было очевидное беззаконие. Но по жалобе Минкульта президиум Высшего арбитражного суда отменил справедливые решения своих судей, при этом не внес никаких дополнительных доказательств для такого решения. Таким образом, беззаконие было восстановлено. А поводом к изданию правительственного постановления стало присланное из Индии по факсу обращение к Борису Николаевичу Ельцину якобы от вдовы Святослава Рериха – Девики Рани, в котором она просила создать Государственный музей Рерихов на базе Государственного музея Востока. Письмо было сфальсифицировано бывшим секретарем Рерихов Мэри Пунача, которая вместе с сообщниками после смерти Святослава Николаевича Рериха начала обворовывать его вдову Девиду Рани и подделывать ее завещание. В итоге индийская полиция завела уголовное дело и сейчас Мэри Пунача уже предъявлено обвинение. А у нас чиновники сфальсифицированный факсовый документ приняли как руководство к действию.

– Но чтобы так упорно и изощренно бороться с волей великого человека, чиновникам нужно иметь сильную мотивацию. Вы ее видите?

– Безусловно. У меня есть две версии такого агрессивного нежелания исполнять волю завещателя. Первая связана с рецидивами советского сознания. Более 70 лет нас приучали, что все в стране принадлежит и должно принадлежать государству. Заводы, квартиры, леса, картины, недра. Эту психологию Швондеров ярко описал в «Собачем сердце» Михаил Булгаков. Швондеры тогда активно использовались в работе по конфискации художественных ценностей у богатых людей. Многие современные чиновники несут в себе ту же психологию. Тот же господин Набатчиков – директор Государственного музея Востока – убежден, что только государственный музей может обеспечить полную сохранность картин.

– Возможно, он и прав...

– Возможно, он был бы и прав, если бы мы не столкнулись на примере коллекции Рерихов с прямо противоположным – с разбазариванием наследия.

– То есть?

– Нам известно, что названия более 40 картин из тех 288, которые Святослав Николаевич Рерих привез в СССР в 1974 году и оставил на попечение Министерства культуры, не соответствуют спискам, которые составил сам владелец картин и передал нам. Это несоответствие говорит о том, что этих картин уже нет. Нам никто не может и не хочет ответить – где они? И именно с этим нежеланием отвечать я связываю упорство, с каким нам отказываются отдавать картины. За пропажу картин придется отвечать перед законом. Потому и вцепились в коллекцию.

Ведь мы не раз предлагали Министерству культуры создать независимую комиссию – проверьте сохранность картин, не заменены ли подлинники дубликатами, не сгнили ли полотна. Мы обращались в Счетную палату, а затем

и в Генпрокуратуру с просьбой проверить не только сохранность картин, но и правомочность их нахождения в Государственном музее Востока. Аудитор Счетной палаты Воронин вместо действий, о которых мы просили, вдруг по итогам проверки рекомендовал возвратиться к выполнению забытого правительственного постановления о создании государственного музея Рерихов как филиала Государственного музея Востока. То есть предложил опять исказить волю Святослава Рериха.

На днях получил из Генпрокуратуры еще один ответ. На этот раз от заместителя начальника управления по надзору за соблюдением федерального законодательства Зябкиной. Она отказывается признать, что Святослав Рерих в 1974 году привез в СССР именно 288 картин, а говорит о 282 картинах, которые якобы были привезены только в 1978 году.

В письме вновь констатируется только факт постановки картин на постоянный госучет в Государственный музей Востока, но ни слова не сказано о незаконности такой постановки. И в который раз Генпрокуратура ссылается на результаты Счетной палаты, которая якобы провела проверку соответствия картин первоначальным правоустанавливающим документам. Но как раз этого и не было сделано! Ведь основой проверок могут являться только документы владельца картин – Святослава Рериха. А эти документы он передал нам со своим завещанием. Но их-то Счетная палата и Генпрокуратура просто игнорируют. По каким же спискам они проверяли наличие картин? В самом Государственном музее Востока говорят о пропаже таких списков, а на списки самого Святослава Николаевича чиновники не желают обращать вообще никакого внимания. То есть признаются законными незаконные действия. Хорошенькая проверка!

Такое впечатление создается, что против завещания великого человека ополчилась вся российская чиновничья рать. Один из чиновников, как нам было передано, так и заявил: «Пока буду жив, картины не отдам». Бывший министр культуры Швыдкой недавно благосклонно предложил передать нам несколько картин для выставки, чтобы мы потом возвратили их обратно Музею Востока. Эта благосклонность напоминает мне поведение «щипачей», которые сначала выкрали у вас барсетку с документами и деньгами, а потом благородно перезванивают, мол, нашли ваши документы, готовы их за вознаграждение вернуть.

– Что же делать? Есть ли из этого заколдованного круга выход?

– Я с тем же вопросом обращался к помощникам президента России. Не буду называть их фамилии. Они понимают нашу правоту. Но говорят: «Мы сейчас проводим судебную реформу. Она изменит сознание судей. Тогда вам легче будет добиться правды».

– Ободрили.

– К сожалению, они сказали правду. Судьи у нас несут тот же менталитет: права государства – все, права личности – ничто.

Я на судебном процессе обращаюсь к судье: у нас есть письмо собственника наследия – Святослава Рериха к руководителю государства с просьбой помочь вернуть картины. Есть заверенное нотариусом завещание. А

мне в ответ: «Эти документы не имеют отношения к делу». Но если такие документы не имеют отношения к делу, то что тогда вообще имеет отношение к делу? Звонок министра?

Приведу последний пример. Он уж совсем вопиющий. В конце прошлого года по жалобе министра культуры Швыдкого президиум Мосгорсуда отменил решение Хамовнического районного суда, который признал факт принятия МЦР наследственного имущества в соответствии с завещанием Святослава Николаевича Рериха. Хочу особо подчеркнуть: в надзорной жалобе министра отсутствовали законные основания для предъявления государством своих прав на наследие Рерихов. И в то же время министр четко сформулировал: государство является собственником картин. С чего вдруг? Однако президиум Мосгорсуда, несмотря на необоснованность жалобы, принимает ее к исполнению и своим решением удовлетворяет просьбу министра культуры – отменяет решение Хамовнического суда. Задаюсь после этого вопросом: право в России существует в виде законов или понятий?

Недавно вместе с известными деятелями культуры и науки я обратился с письмом к Президенту России Владимиру Путину. Мы попросили главу государства отреагировать на ситуацию – увы, нам самим с каждым годом все труднее пробивать эту глухую каменную стену. Спустя некоторое время, не получив ответа, к Владимиру Владимировичу Путину лично обратился председатель Попечительского Совета МЦР, посол ООН, известный у нас и в мире общественный деятель, многократный чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Ответа, к сожалению, опять не последовало. Допускаю, что до президента России письмо даже не дошло. Нам ничего не остается, как обратиться к международной общественности. Недавно провели в независимом пресс-центре пресс-конференцию для иностранных журналистов, посвященную этой проблеме. Мы ее так и назвали: «Россия: общество закона или понятий? Имеет ли в России юридическую силу завещание Святослава Николаевича Рериха?»

– Вы верите, что в конце концов добьетесь справедливости в родной стране?

– Если мы уступим бюрократическому произволу, значит, откроем дорогу диктатуре чиновников. Я недавно заглянул в Музей Востока. Висят в двух залах пара десятков картин. Спрашиваю: почему другие 240 держите взаперти. Отвечают: «Нет места». Но Святослав Николаевич страстно хотел, чтобы вся коллекция была представлена любителям живописи России. А ее от посетителей прячут в Музее Востока благодаря Министерству культуры. Государство ведет себя как собака на сене. Этого я понять и принять не могу.

Что касается преимуществ государственных музеев, о которых мы выше говорили. В США, например, есть и общественные, и государственные музеи. И они нормально взаимодействуют, сотрудничают. Возможно, потому, что там нет Министерства культуры. Зато государство там четко отслеживает исполнение законов, в том числе и права наследования. У нас же, если судить по беззаконию, творящемуся вокруг наследия Рерихов, все наоборот. Государство в лице чиновников министерств культуры и юстиции,

Генпрокуратуры, Счетной палаты, судов откровенно обманывает граждан, выступает главным инструментом беззакония. Поэтому до сих пор завещание Святослава Николаевича Рериха в России не исполнено. Как гражданина, желающего блага Отечеству, как человека, который был близок Святославу Николаевичу Рериху, знал его волю, меня такое отношение к правам человека в родной стране не может не тревожить. Мы до сих пор не слезли с советского облучка. Если можно так нагло и легко растоптать волю великого человека, то что говорить об обыкновенном человеке.

Я вспоминаю яркие слова нашего Президента, которые он произнес в феврале на совещании в Генеральной прокуратуре: «Закон выше полномочий и административного ресурса любого должностного лица, подчеркиваю, любого». Хочу верить, что эти слова станут в России не только словами. Я очень рассчитываю также на то, что новый премьер-министр и новый министр культуры разберутся в сложной ситуации и примут решения, направленные на выполнение завещания нашего великого соотечественника.

Из досье «НГ»

Юлий Михайлович Воронцов родился 7 октября 1929 года в Ленинграде. В настоящее время – спецпредставитель Генерального секретаря ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. В 1991–1992 гг. – постоянный представитель РФ при ООН, в 1998–2000 гг. – советник Президента РФ по вопросам внешней политики. В разные годы работал Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР и РФ в Индии, Франции, США. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», а также орденами РФ «За заслуги перед Отечеством» и орденом Почета.